

МАКСИМ КАБИР К ВОПРОСУ ЗООХОРРОРА

Когда мой друг, замечательный белорусский писатель Дима Костюкевич, предложил мне написать рассказ для антологии, посвященной животным, я услышал тихое, но настойчивое жужжание в той области мозга, что ответственна за фантазию. Жужжание отдалось приятным зудом в пальцы, я не знал, о чем будет моя история, но заранее определился с антагонистом.

Дима создал чат, в котором писатели, авторы ужасов, взрослые мужчины и женщины, сочиняющие тексты о призраках, вампирах и оборотнях, застолбили темы, чтобы животные не повторялись. Александр Матюхин выбрал рыбу, Александр Провоторов — собаку, Дима Тихонов — сов. «Беру пчел», — сообщил я, словно намеревался пасеку открывать. Мы шутили про такс и гусей. Авторы ужасов — те еще юмористы.

В текстовом документе шрифтом Times New Roman я написал слово «Жужжание». На том и застопорился.

Поясню. Зоохоррор — поджанр о столкновении людей с различным зверьем. «Челюсти», «Куджо», «Анаконда», такие штуки. Зоохоррор не предполагает мистику, а мистика всегда была

для меня отличным подспорьем. В том смысле, что можно ничего не объяснять: некая кровожадная херня вылезла из болота (могилы, колодца etc) и ну давай бесноваться. У меня совсем немного рассказов без фантастических элементов: «За пределами котьей страны», «Ползущий» – вроде всё. Потому я стал думать об, условно говоря, реалистичной новелле, в которой персонажи, что твои винни-пухи, подвергнутся нападению «клада в надсемействе Apoidea летающих насекомых подотряда стебельчатобрюхие отряда перепончатокрылых» (скопировано из «Википедии»). Полагаю, любой апиолог (человек, изучающий пчел,— термин, подсмотренный в той же «Вики») поднял бы на смех задумку, но... к черту апиологов! Я даже набросал несколько предложений: герои уединяются на даче, но тут... Но тут я понял, что такую же локацию использовал Костюкевич в романе о муравьях-убийцах. Пчелы дразнились, никак не желая опылять цветы моего творчества. В течение нескольких месяцев я периодически открывал документ, имевший лишь название, и прислушивался, не зажужжат ли снова? Закинут в покетбук книги «Повесть о биологии пчелиной семьи» Евгения Васильева, «Пчелы и медицина» Наума Иойриша и «Уж-ж-жасные пчелы» Р. Л. Стайна. Я, без шуток, хотел, чтобы меня укусила пчела (в последний раз такое случилось лет двадцать назад, было больно), но за окнами падал снег, а сроки, отведенные Костюкевичем нам, дедлайнерам, истекали.

Обычно я использую какие-то моменты из личной практики или из биографии знакомых.

Я был членом жюри поэтического конкурса, проходившего в задрипанном шахтерском городке,— так появились «Скелеты», дебютный роман. Родственники выселили товарища из квартиры — бытовой инцидент лег в основу «Мух» (в голове тогда тоже жужжало). Но выяснилось, что с пчелами я практически и не сталкивался, не считая нескольких жал, оставленных ими в моей плоти. На коктейбельском литературном фестивале поэтессу Женю Чуприну, читавшую стихи, ужалила пчела, и ей пришлось вызывать скорую помощь: шея отекала. Такая себе история, но я готов был схватиться и за нее.

Файл, озаглавленный «Жужжание», мозолил очи. И почему я не выбрал кошек или акул? Почему доверился подлым насекомым?

Ладно, сказал я себе. Займусь читерством. Если я набил руку на мистике, то кто запретил мне включить в сюжет необъяснимые явления? Кэндимен, здоровяк с крюком, был ходячим ульем. Придумаю своего Кэндимена, или Кэндивумен, чтоб не обвинили в плагиате, делов-то! Чудотворцы Зосима и Савватий мне в помощь.

Приведу полностью черновой кусок, который я набросал за полчаса:

«— Папа, папа! — Растрепанная Тоня выбежала из пустой хаты, оглянулась в предрассветных сумерках, заметила движение на пасеке и кинулась через кусты смородины.— Папочка, я так испугалась!

— А чего ж бояться, глупая? — пожилой пасечник улыбнулся разбитыми губами. Левый глаз заплыл — били крепко, ногами.— Не сахарный ведь. До свадьбы заживет.

Взрослая дочь припала к отцовской груди. Легкие саднило — мчалась через все село сломя голову. На рамках в раскупоренном улье копошились пчелы, семья вентилировала леток. Отец отстранился, чтоб подкормить хозяйство сладкой водой из баклажки.

— Сколько их было?

— Двое.

— Зачем же ты открыл, глупый?

— Меда попросили. Как же путников медом вкусным не угостить?

— Что, добавки захотели? — Сердце Тони сжалось.

Пасека тихонько гудела.

— Видать, понравился мед сладкоежкам! Поколотили меня во дворе и пять литров с собой забрали.

— На машине?

— На мопедах. Да черт с ними...

— В смысле «черт»? Это же ограбление! С избиением!

Отец беззаботно махнул рукой.

— Лучше скажи, как ты узнала? Пчелы нашептали?

Тоня медленно кивнула. Не в первый раз ей снились пчелы — желто-черное облако нависало над кроватью, над дремлющей женщиной, и чужие мысли жужжали в черепной коробке: «Газ проверь, воняет»... или «Матери позвони»... или как сегодня: «К отцу беги!»

Нелепица, конечно, откуда пчелам знать, что такое «звонить», что такое «газ» — и впрямь поддувающий из трубы?

— Умницы мои.— Пасечник закрыл улей. Поманил дочь в дом. У красного угла она пере-

кисью протирали его ссадины. Отец улыбался смиренно и глядел на старую потемневшую икону, изображавшую двух святых с лукошками в руках.

— Помнишь еще, кто это?

Тоня порылась в памяти.

— Зосима и Савватий.

— Верно. Соловецкие чудотворцы, заступники православных пчеловодов. Раньше на Руси совсем пчел не было, святые их из Египта принесли в тростниковой палочке.

Тоня вспомнила, как семнадцатого апреля, на день Зосимы, ребенком молилась пчелиному богу, как отец обмазывал ее медом и вместе они ели трупки пчел.

— Что случится с теми, кто тебя обокрал? — осторожно спросила она.

Улыбка отца из робкой превратилась в довольную, злую, и Тоне стало не по себе, словно жала вонзились в живот.

— Распухшие, — нараспев произнес отец. — Мертвые на дне оврага, под мопедами своими. Пчелки в рот залезали и кусали за языки. В глотки залезали. В желудки, в легкие, в анусы — и везде кусь делали.

Пасечник захохотал, захрюкал, засучил ногами. Ошарашенная Тоня ждала, пока минует припадок. Периферийным зрением уловила: кто-то смотрит в окно, большой, пучеглазый, мохнатый. Но, обернувшись, увидела лишь облачко пчел в утренней дымке.

И перекрестилась, как папа учил, чтобы пальцы двигались по спирали, будто насекомые летали от плеча к плечу, ото лба к пупку.

Отец смеялся, скрипел зубами. Зосима и Савватий молчаливо взирали из угла, а по их суровым лицам ползали негромко жужжащие пчелы».

Не густо — скажете вы, и будете, несомненно, правы. Знаете, что мне нравится в этой безделице? Слово «анусы». Пчелы в прямой кишке, по-моему, это ух! А знаете, что мне не нравится? Все остальное. Я не понимал, как мне продолжить историю, и уже представлял, в какое неудобное положение поставлю Костюкевича: добрейшему Диме придется подбирать слова, чтобы тактично отказать мне в публикации.

Но нет худа без добра — по крайней мере, так я думал. Образ пчел, оккупировавших икону, явился ко мне из прошлого и щелкнул тумблером.

Забавная вещь — мозг. Я забыл фамилии одноклассников, но помню название фильма, который смотрел один раз — четверть века назад. «Ликвак». Черт знает, что это значит, — может, так звали персонажа. Я напряг извилины.

Фильм был русским. Он шел по ТВ в середине девяностых и изрядно меня напугал. Думаю, послевкусие, оставшееся на всю жизнь, помогло мне написать рассказ «Курьи ножки»: там ребенок из девяностых боялся детской передачи.

«Ликвак» пугал не спецэффектами, не монстрами, выпрыгивающими на зрителя, а атмосферой безысходности, какая встречается сплошь и рядом в перестроечных фильмах. Лично мне хочется принять душ после нетленок «Кислородный голод» или «Камышовый рай». Думая о том фильме, я пришел к выводу,

что он был не столько хоррором в духе мало-бюджетного трэша «Killer Bees» или «The Deadly Bees», сколько обыкновенной чернухой. Ни в одном списке отечественных ужасов мне не попадалась картина «Ликвак» (тут я снова подумал о феноменальном устройстве памяти, а еще засомневался, так ли звали фильм).

При слове «ликвак» на ум приходил режиссер Анатолий Литвак и легендарный харьковский сумасшедший, исписавший городские стены таинственными надписями «век — вак». В «Ликваке» были пчелы: меня, подростка, впечатлила и по-настоящему встревожила сцена, в которой полосатые насекомые заполнили избу, ползали по вещам, по иконам, по покойнице.

Тумблер снова шелкнул. Всплыл образ: гроб посреди комнаты, водруженный на стулья гроб, в нем девушка. Не сомневаюсь, оператор снимал долгим планом, а картинка рябила дефектами. Ни о какой динамике речи не шло — это, конечно, была статичная тягомотина.

Итак, зимой, полулежа в кресле, закинув на стол ноги, я думал о древнем российском фильме, а жужжание нарастало. Жужжало вдохновение. Окрыленный, я начал гуглить (яндексить, раз уж на то пошло). Интернет сказал, я на верном пути.

«Ликвак,— прочел я,— традиционный норвежский танец мертвых. За день до захоронения гости заполняли дом покойника и выплясывали так, что домовина подпрыгивала. Обряд подразумевал непристойное поведение живых участников и нередко перерастал в оргию». Статью, аккуратно мною скопированную,

иллюстрировал данс-макабрический набросок художника Николая Аструпа (был бы я не Кабиром, а каким-нибудь Ивановым, взял бы псевдоним Аструп). Художник, сообщалось, в детстве стал свидетелем ликвака. Я вспомнил, что в фильме действительно танцевали, и воспоминания заиграли новыми жутковатыми красками.

Школьник, то ли пяти-, то ли шестиклассник, смотрит, как в ящичке актеры танцуют вокруг гроба, и отчаянно дрейфит.

Из всего прочитанного я мог бы состряпать занятный сюжетец, но где тут пчелы? Где, собственно, фильм?

Самое время посетить «Кинопоиск». «Ликвак» — я не ошибся с названием! — в базе был, но страничка выглядела скупо. Ни постера, ни описания, ни баллов, зато я узнал, что сняли его еще в СССР, в девяностом году, и режиссер Павел Матейшин ограничился одним проектом. Имена актеров мне ни о чем не говорили, единственной звездой был композитор Артем Артемьев, сын Эдуарда Артемьева (годом ранее он сочинил музыку для боевика «Фанат»).

Я приготовился к киносеансу, но переоценил всемогущество Интернета. «Ликвака» попросту не было в Сети. За тридцать лет никто не удосужился оцифровать пленку. Всеядный «ВКонтакте» смог предложить мне лишь уже знакомую картину Аструпа «The Corpse's Dance».

Вырисовывалась история про проклятый фильм, но Костюкевич не собирал антологии о проклятых фильмах.

Пока я рылся в Сети, наступил вечер, с работы вернулась жена, мы ужинали, смотрели голливудские комедии, в которых никто не танцевал вокруг гробов, поссорились, помирились и легли спать.

А утром я вскочил с полной уверенностью, что «Ликвак» даст мне ключ к будущему зоохоррору (к будущему зоохоррора даже). Мне бросили вызов. И я этот вызов принял. Я полез на IMDb.

Вот что нашел.

Ликвак (1990)

Likvak (original title)

1h 16min | Drama | TV Movie 1990

Director: Pavel Mateishin

Writers: Pavel Mateishin

Stars: Dennis Zaharenko, Nadejda Lin.

Plot Keywords: folklore, paganism

Country: Soviet Union

Language: Russian

Filming Locations: Odessa, Ukraine

Production Co: Tonis

Color: Color

На сайте отсутствовала афиша, но имелось аж два скриншота. Первый запечатлел голую барышню, может быть, Nadejdu Lin. Она таранилась на меня глазами, полными то ли ужаса, то ли священного экстаза. У нее были маленькие груди с торчащими сосками и густые черные

волосы на лобке. Вторая фотография привела в замешательство. Она изображала корову, закопанную в землю: наружу торчала часть спины и голова чуть выше уровня глаза. Тушу коровы покрывали пчелы, и это была квинтэссенция арт-хауса, что-то среднее между экзерсисами Линча и кадром из короткометражки, которая убивала персонажей «Звонка». Таких подробностей я не помнил, но смотрел ли я кино целиком или попал на середину, щелкая каналы? Бог весть.

Сохранив оба скриншота, я посетил страницы актеров. У всех без исключения «Ликвак» оказался единственным фильмом в картерах. Я решил, что Матейшин нанял непрофессионалов.

Сцепив замком пальцы, я крепко задумался. Надо сказать, я почти забыл о Диме Костюковиче и антологии. Меня занимал «Ликвак». Прекрасно понимая, что кино не стоит затраченных усилий, я зажигаю идеей его найти. А заметка в отсканированном киножурнале подлила масла в огонь.

Рецензент писал: «Пасечник, мечтающий вывести особый сорт пчел, обращается к магии. Он приносит в жертву корову, и из коровьего рога (без шуток!) рождается пчелиная матка. Мед «особенных пчел» по-особенному воздействует на людей. Они тянутся к смерти, ночуют на кладбищах, покупают гробы. Пристрастившаяся к меду соседка проникает на пасеку, но ее жалят пчелы. Решив, что девушка умерла, односельчане устраивают странные похороны с танцами. Героиня же приходит в себя в гробу, полном пчел.

Не ищите логику, ее нет. Дебютант Павел Матейшин снял алогичное, невнятное, попросту раздражающее кино. Здесь плохо все: актерская игра, операторская манера, работа осветителей (точнее, отсутствие таковой). Но хуже всего пафос, многозначительность, которой создатели лакировали эту неумелую поделку. Аллюзии на повесть Михаила Коцюбинского «Тени забытых предков» (и одноименный шедевр Параджанова), цитаты из Вергилия... так и подмывает сказать Матейшину: либо раздобудь мыло, либо грязными руками великих не тронь!

Негативная оценка критика лишь завела меня. Черт подери, я жаждал видеть это дерьмо! Я обратился за помощью к друзьям-киноманам, в том числе к завсегдатаям закрытого паблика, тихопомешанным гикам. И явно их возбудил.

«Ликвак», — бормотали они, выпростав руки на манер ромеровских зомби. В тот день слово «Ликвак» гуглилось по всему СНГ. Живущий у Черного моря фанат некрореализма известил с сожалением, что Одесская киностудия закрыта на карантин и разузнать что-либо про их детище сейчас невозможно.

За ужином я рассказал о расследовании жене. «Боже, какой же ерундой ты занимаешься», — удивилась она. Я страшно обиделся.

В понедельник я накатал письма в ряд архивов. Мол, такой-то фильм необходим для научной работы. В четверг получил ответ из российского Госфильмофонда.

«Здравствуйте, Максим Ахмадович. Мы можем предоставить вам цифровую копию

картины „Ликвак“, но для этого необходимо разрешение от правообладателей».

Я ринулся на IMDb. Правообладателем значился украинский телеканал «Тонис»; в две тысячи семнадцатом он прекратил вещание, мутировав в канал «Прямой». Им я тоже отправил письмо. И уперся в тупик. Топ-менеджмент «Прямого» ответил, что «не володіє інформацією про проекти „Тонісу“ і нічим не може мені допомогти».

Я признал поражение. Я думал о том, как бы мне высосать из миниатюры о Зосиме и Савватии полноценный рассказ, а писатели всю славу дали Диме готовые тексты: в текстах кишели обезьяны, медведи, волки, лисы и прочая живность. Только пчел там не было.

В феврале мне написал фанат некрореализма. Его звали (и зовут) Толик, и он мой самый старый знакомец в Сети — общались мы года с две тысячи девятого. Про кино общались, естественно.

«Короче. Сведений об актерах — ноль. Матейшин на том свете. Но я отрыл контакты оператора. Поеду к нему в субботу. Присоединись?»

«Только мысленно!» — написал я. Покурил, вернулся за компьютер и отредактировал сообщение.

«Присоединюсь!»

Позвонил жене, жаловавшейся, что мы давно никуда не выбирались, и обрадовал новостью: выходные проведем в Одессе!

Мы выехали рано утром. Жена вела автомобиль, а я дремал на пассажирском сиденье.

В ночь перед вояжем я отвратительно спал. Бывают сновидения, запоминающиеся на всю жизнь. Кошмарнейшим моим кошмаром был давнишний сон про монашек, игравших в футбол младенцем. Я вставил его в рассказ «Причастие». Но сон, приснившийся накануне поездки, монашек переплюнул.

Я лежал в гробу, а вокруг водили хороводы какие-то люди. Они извивались и экстатически заламывали руки. Музыка младшего Артемьева не было, я слышал лишь топот ног по деревянному настилу и навязчивое жужжание. Я не мог пошевелиться, бессильно наблюдал за сатанинскими плясками. Лица танцующих покрывали маски из мягкого воска и проволоки. Пчелы ползали по мне, щекоча брюшками. Я проснулся в предрассветных сумерках с колотящимся сердцем и прильнул к жене.

В город Бабеля, Жванецкого, Ильфа и Петрова мы прибыли в полдень. Теплая и слякотная зима расщедрилась: температура упала до минус пяти, снег прихорошил улицы. Мы сняли гостиничный номер возле автовокзала и отправились гулять. Пообедали пиццей, фотографировались у памятника Дюку де Ришелье и на Потемкинской лестнице, бродили по пляжу, любуясь морем, а окоченев, грелись в кафешках.

К вечеру разбежались. Аня упорхнула к одногруппнице-одесситке, а я — к Толику, которого ни разу не видел вживую. Толик оказался упитанным говнарем: морозоустойчивый, расхаживал в легкой косухе и бандане с черепами. У него были милые усики, я разглядывал их,